

Протоиерей
Георгий Белодуров

The background of the lower half of the cover features several broad, diagonal green brushstrokes. These strokes are surrounded by numerous small, dark green and light green splatters, creating a textured, artistic effect.

ПРАВДИВЫЕ ИСТОРИИ

Георгий Белодуров

Правдивые истории (сборник)

ТД "Белый город"

2019

УДК 82.3
ББК 86.37

Белодуров Г. Н.

Правдивые истории (сборник) / Г. Н. Белодуров — ТД "Белый город", 2019

ISBN 978-5-485-00603-7

В сборнике «Правдивые истории» новые рассказы протоиерея Георгия Белодурова объединены с его популярными заметками о поездке на Святую Гору Афон. Отец Георгий делится с читателями реальными историями, некоторые из которых кажутся фантастическими. По его словам, написание этих рассказов он воспринимал как особое послушание, как обещание, данное истинному их Автору, несравненному Выдумщику – Господу Богу.

УДК 82.3
ББК 86.37

ISBN 978-5-485-00603-7

© Белодуров Г. Н., 2019
© ТД "Белый город", 2019

Содержание

Неоконченное путешествие на Афон	6
Предисловие	6
День первый. Из России в Грецию	8
День второй. Под покровом апостола Андрея	10
День третий. Наш афонский дом	15
День четвертый. Сквозь дождь к Матери Божией	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

протоиерей Георгий Белодуров

Правдивые истории

© Белодуров Г., свящ., 2019

© Издательство «ДАРЪ», 2019

© ООО ТД «Белый город», 2019

Неоконченное путешествие на Афон

Предисловие

Мой путь к Афону начался давно, но пролагался он робко, без особой уверенности в успехе. Первый раз я услышал об Афоне еще школьником. Кто-то сказал, что мы живем и не знаем, что в далекой Греции есть особое место, которое называется Афон, и оно с древних времен населено русскими. Я не был православным мальчиком, и для меня это стало просто «патриотической» новостью, укрепившей во мне чувство гордости за свою страну. Сегодня я вспомнил об этом совершенно случайно. Когда это было? В 1960-е годы или уже в 1970-е? Сейчас и не вспомнить. Но было.

Потом я надолго забыл об Афоне, а точнее, до начала 1990-х годов, когда мне, человеку женатому и уже православному, попалась небольшая брошюра с очерком известного русского писателя Бориса Зайцева. Эта брошюра так и называлась – «Афон». Я думаю, ее читали многие, но для меня она была первой афонской книжкой. Я зачитывался ею, я читал ее вслух, мы погружались в удивительный мир афонской жизни, открывали мужское монашеское сообщество с удивительными старцами, трогательными, как дети, с ночами, наполненными молитвами, с древним укладом жизни, так непохожей на нашу, здешнюю. Тогда я работал на малом предприятии, хорошо зарабатывал, но был так занят, что не мог и помыслить о поездке на далекий, фантастический Афон! Однажды я даже увидел его во сне. Мне снилось, что я на Святой Горе, которую настигло мощное землетрясение, и меня, как человека с организаторскими способностями, местные жители-афониты просят помочь восстановить один из монастырей, где рухнула башня – пирг. И это был монастырь Дохиар. Дома у меня висела икона Божией Матери «Скоропослушница», привезенная с Афона незадолго до революции. «Скоропослушница» – главная святыня Дохиара!

Моя работа была связана с постоянными командировками в Москву, и я частенько захаживал на Гончарную улицу, где расположено подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря. Но потом командировки прекратились.

Время шло. По милости тверского владыки я стал сначала диаконом, а потом простым сельским священником. Жили тогда мы весьма скудно, и об Афоне я опять не помышлял. Ибо не до жиру! Хотя читал я о Святой Горе много, т. е. практически все, что можно было достать в церковных лавках столицы, куда я наведывался уже в качестве студента Православного Свято-Тихоновского богословского института. И вот по прошествии пяти лет сельского приходского служения я был переведен в Тверь и назначен клириком одного из тверских храмов. Настоятель храма руководил миссионерской работой в епархии, и я потребовался ему и как простой священник, и как грамотный миссионер. Я по привычке продолжал считать себя непригодным к поездке на Святую Гору, тем более что в своей прекрасной книге «Сокровенный Афон» ее автор игумен Н заметил, что для того, чтобы попасть на Афон, нужно особое благословение Хозяйки Святой Горы – Богородицы.

«Не благословляет меня Матерь Божия», – думал я, гоня нахлынувшие на меня мечты.

Так суждено было случиться, чтобы путь мой к Афону начался в Иерусалиме. Иерусалим казался мне такой же недостижимой землей, как и Афон. Но вот в 2007 году я получил сообщение о том, что некоторые паломнические организации предоставляют батюшкам возможность поехать бесплатно, если они являются руководителями группы численностью не менее двадцати человек. Столько я не набрал, а только семь, однако паломническая служба «Радонеж» дала мне скидку 50 %, благодаря которой я побывал в Святой Земле. Окрыленный и

наполненный благодатью от Гроба Господня, я вернулся домой и немедленно решил: «Так, значит, все это возможно! В следующем году еду на Афон!»

Я с радостью поделился этой новостью с друзьями из Интернета и получил письмо от иеромонаха Паисия с предложением принять его в компанию. Надо сказать, что отец Паисий, в отличие от меня, бывал на Святой Горе уже неоднократно, и я не только с радостью согласился, но просто был счастлив использовать его драгоценный опыт бывалого афонского паломника. Для начала он сообщил мне координаты московской фирмы, которая помогает паломникам попасть на Афон. Точнее, телефон человека по имени Виктор, занимающегося оформлением всех необходимых формальностей. Кроме этого, отец Паисий договорился с одним русским келиотом, отцом Иоанникием, который, имея в распоряжении автомобиль «Нива», мог бы помочь нам перемещаться по Святой Горе.

Как я уже говорил, об Афоне и о монашестве вообще я узнал, будучи уже женатым человеком. Думаю, будь я тогда холостяком, то обязательно стал бы монахом. Но теперь воли Божией на это нет.

Среди моих духовных чад был раб Божий Олег, сорокалетний мужчина, одержимый идеей жениться. Я подумал, что ему обязательно надо побывать на Афоне, чтобы потом, женившись, он не упрекал меня: «Батюшка, почему вы скрывали от меня такое духовное сокровище?»

Но пока мы собирались с отцом Паисием вдвоем, я предполагал, что для Олега места в нашей компании не будет. Однако грянула осень 2008 года, а с ней и мировой финансовый кризис, который вмешался в наши планы. Отец Паисий сообщил с сожалением, что он не сможет поехать на Святую Гору, и тогда Олег, при участии Виктора, буквально за две недели смог оформить необходимые для поездки документы. Итак, утром 12 декабря 2008 года мы сели в электричку, идущую до Москвы. Так начиналось мое первое путешествие в земной рай, в удел Пресвятой Богородицы, на Афон.

День первый. Из России в Грецию

Уже на вокзале в Москве обнаружилось, что мой рюкзак расплывается и у него отрываются лямки. Рюкзак тот был подарен, но как говаривал бессмертный Пушкин – «не гонялся бы ты, поп, за дешевизной!» Слава Богу, мой любезный друг Олег пришил эти лямки, и проблема была решена. Виктор приехал в аэропорт проводить нас и дать последние инструкции. В принципе он выполнил все необходимое: оформил визы, диамонитирионы и т. п. Но в Москве мы увидели пока только визы в паспортах.

Мы летели самолетом компании «ВИМ-Авиа», не самой лучшей, но и не самой худшей из авиакомпаний России. В Москве, перед посадкой в самолет, к нам подошел неизвестный мужчина и спросил, не на Афон ли мы едем. Мы с Олегом утвердительно кивнули. Лицо мужчины приняло умоляющее выражение, и он попросил нас передать небольшой пакетик с лекарствами русскому послушнику Алексею, который будет встречать эту передачу на пристани монастыря Костамонит. Немного поколебавшись (в пакете находилась бутылка средства «Доппель Герц», которую могли задержать на таможне), мы согласились, и Олег спрятал лекарства к себе в рюкзак. По счастью, таможню мы прошли без вопросов.

В аэропорту «Македония», в городе Салоники, нас ожидали дождь и партнер Виктора – Янис. Он встречал не только нас. К нашей компании присоединялись еще три человека: пензенский иеромонах и двое мирян. Их имена я уже не помню. Янис нас обрадовал, заявив, что три дня был шторм и паромы в сторону Афона не ходили. А сегодня шторм кончился, и завтра паромы могут отправиться в путь, так что нам повезло.

С другой стороны, он извинялся и говорил, что Греция уже готовится встречать Рождество и, значит, ему надо немедленно уезжать в деревню, к родственникам. Так что он не будет сажать нас в автобус, а только отвезет на автостанцию Халкидики и купит нам билеты до Уранополиса. Так он и поступил. Снабдил нас ценной информацией, объяснив, где мы будем ночевать, где получать диамонитирионы и где покупать билеты на паром. А пристань рядом с кассой, так что заблудиться мы не должны. Немного волновало лишь то, что телефон отца Иоанникия, который должен был нас встречать на афонской пристани Дафни, не отвечал. А ведь он сам просил связаться с ним, как только мы прилетим в Грецию.

Янис уехал. А мы остались. Попили кофе. Территория вокруг автостанции унылая. Не на чем остановить взгляд. Удивил туалет. Если у нас на стенах подобных мест пишут всякую похабщину, то в Греции – политические лозунги. Страна кипит от забастовок и демонстраций.

Вот и автобус. На улице быстро темнело, продолжался дождь. Дорога из Салоников в Уранополис заняла более двух часов. В одном из городков автобус остановился надолго – выяснилось, что он сломан, и первое, о чем я подумал, что сейчас мы несколько часов будем ждать либо проведения ремонта, либо неизвестно еще чего. У нас в России такая ситуация равносильна катастрофе небольшого масштаба. Я уже смирился с ночевкой в автобусе, но внезапно, минут через пятнадцать, подъехал другой автобус и мы, пересев в него, продолжили путь.

Въехав в Уранополис, мы, следуя указаниям Яниса, вышли, не доезжая до конечной остановки. Нашим ориентиром являлась автозаправка «Джет-ойл», напротив которой расположены апартаменты госпожи Елевферии. Забавно, но в устах Яниса буква «ф» в ее имени звучала как «т». Госпожа «Елевтерия» разместила нас в двух- и трехместных номерах, и мы, оставив вещи, отправились на поиски кафе, которое, по словам хозяйки, можно было найти на берегу моря. И действительно, весь берег оказался застроен кафешками и тавернами, в одну из которых мы и зашли все впятером. Таверна, в этот декабрьский вечер абсолютно пустая, называлась «Эвкалиптос». Хозяйка таверны по имени Иоанна, хорошо говорящая по-русски гречанка-понтийка, накормила нас ужином из пяти блюд с прекрасным домашним вином.

Декабрь. Россия утопает в снегах, а мы на берегу моря в Греции. Тут и дождь закончился! Жаль только, что отец Иоанникий не отвечал.

Вернувшись в апартаменты и помолясь, легли спать. Но заснуть было трудно. Мозг гудел мощным возбуждающим словом – Афон, Афон, Афон! Завтра мы увидим его, и мечта моя станет явью.

День второй. Под покровом апостола Андрея

Утро встретило нас синим небом и ласковым, необжигающим солнцем. На море тишина. Это значит – мы едем. В проулке, недалеко от места нашего ночлега, мы обнаружили святогорскую контору, в которой нас ожидали наши диамонитирионы. Уплатив необходимые пошлины, мы наконец держали драгоценные пропуска на Святую Гору в руках. Купили телефонные карточки «Face», с помощью которых очень дешево созваниваться с Россией, и отправились к пристани покупать билеты на паром. «Агия Анна» ушла еще до того, как мы встали в очередь в кассу, и нам достались билеты на самый большой из афонских паромов – «Святой Пантелеймон».

Связи с отцом Иоанникием все не было. Стало слегка тревожно. Паром отошел, а я направился к русскому монаху благообразного вида, которого мы заприметили еще в московском аэропорту. Уж больно вид у него был бывалый, седые волосы в сочетании с черными густыми бровями выглядели весьма благородно. Я подошел, извинился и представился. Он тоже назвал свое имя – иеродиакон Стефан.

– Мне кажется, отче, что вы не впервые приезжаете сюда, а нам нужен добрый совет. Поэтому я обратился к вам.

– В чем проблема? – радушно поинтересовался он.

– Дело в том, что по предварительной договоренности нас должны были встретить в Дафни, но телефон нашего сопровождающего не отвечает. Боюсь, нас не встретят, и мы останемся без каких-либо ориентиров. А мы тут первый раз.

Отец Стефан улыбнулся и сказал:

– Собственно, проблема не велика. Сегодня праздник святого апостола Андрея Первозванного. Так вот и езжайте в Андреевский скит ¹. Он рядом с Кариесом расположен. А в Кариес на автобусе. Вы его на пристани увидите. В скиту сегодня панагир ², ну... престольный праздник. Они обязательно вас примут.

Слегка успокоившись, я вернулся к Олегу, и мы принялись рассматривать проплывающие мимо нас берега Святой Горы. Сама Гора виднелась вдали, и согласно картам до нее мы не доплывем. Неторопливо двигались мимо нас горочки, метров около ста высотой, покрытые редким лесом. Изредка, подобно клыкам, виднелись желтоватые скалы. Вначале построек никаких не было видно, но потом показались отдельные домики, большей частью заброшенные и запустевшие.

Вот и первое крупное сооружение – скит Новая Фиваида, часть построек которого была разрушена, но рядом с обнаженными стенами руин виднелись сине-зеленые купола и рыжие крыши отремонтированных храмов и зданий. За бортом в бурунах небольших волн, оставляемых нашим судном, резвились дельфины. Их появление вызвало живой интерес пассажиров парома.

На палубе я заметил известного по съемкам в фильмах Юрия Воробьевского инока Вонифатия. Я не решился поздороваться с ним, так как слава человеческая всегда бывает соблазном для монашествующих ³.

Наш спутник отец Стефан сошел на пристани монастыря Хиландар. Он переобулся, и теперь на нем были не кроссовки, а сандалии на босу ногу. Паром поплыл дальше, а мы еще несколько минут видели его шагающую фигуру в полинявшем сером подряснике, такой же

¹ Скит – монастырь или крупная группа келлий, объединенная наличием общего кафедрального собора. Скит не является владельцем земли, на которой стоит. Землю арендует. Обладает широкой автономией во внутреннем управлении.

² Панагир – престольный праздник монастыря или день памяти главной его святыни.

³ Сейчас, через несколько лет, узнав, что отец Вонифатий скончался, я иногда сомневаюсь в правильности моего поступка. Быть может, стоило подойти к отцу Вонифатию и поприветствовать его?

серенькой легкой греческой скуфейке с рюкзачком и афонским посошком в руке. К этому моменту и мы уже обзавелись такими посошками – верными спутниками паломников на Святую Гору. В магазинчике на главной улице Уранополиса, где мы покупали посохи, нам настоятельно советовали купить и плащи, но мы, как потом выяснилось, опрометчиво, отказались.

Наконец хиландарская пристань исчезла вдаль. Потянулись уже знакомые разновысокие взгорья, а потом – новые пристани монастырей Зограф и Костамонит. На зографской пристани, помимо нескольких двухэтажных зданий с башенками, стояли храм со стенами красноватого цвета и недостроенная средневековая четырехугольная башня большего размера. Костамонитский причал, находившийся в полукилометре от зографского, включал в себя гараж с верхним этажом. Я спустился посмотреть на нижнюю палубу парома, заставленную различными автомобилями, в том числе и грузовиками армейского типа. Решил сфотографировать эту палубу, не заметив, как один из водителей протестуяще замахал мне из кабины. Лобовое стекло бликовало светом серого декабрьского неба, и я не видел, что кто-то подавал мне знаки, пока мне не указали на это пассажиры парома. Я поднялся наверх и увидел, как этот грузовичок съехал с парома и костамонитские монахи загнали его в гараж.

После арсаны⁴ Костамонита, где мы благополучно передали посылочку из Москвы для послушника Алексея, через пять километров показался первый афонский монастырь на нашем пути – Дохиар. Местами пестренький, похожий, как и многие афонские монастыри, на средневековую крепость, с башней и подъемным краном возле западной стены. Потом мы привыкли, что у многих монастырей стоят такие краны. Афонские обитатели получают строительную поддержку со стороны ЕЭС и ЮНЕСКО, и через посредническую греческую фирму осуществляется разносторонняя помощь, а подъемные краны – зримая часть этой помощи.

За Дохиаром вскоре показался следующий монастырь – Ксенофонт. Он выглядел еще более внушительным, так как вытянулся не только вглубь суши, но и вдоль побережья. У каждого монастыря паром остановился, начали сгонять машины и перевозить грузы, на берег потянулись паломники. Особенно много паломников сошло на пирс у Русского монастыря святого Пантелеймона.

Тут мы простились с теми попутчиками, которые сопровождали нас от самого аэропорта. У них были планы посетить скит Ксилургу, населенный нашими соотечественниками, а так же пожить в самом Пантелеймоновом монастыре. Мы же не потеряли последнюю надежду на то, что нас ждут на пристани Дафни. Однако, сойдя с большой группой пассажиров на последней остановке в Дафни, мы быстро поняли, что нас никто не встречает. Интуиция подгоняла нас спешить туда, где стоял большой 50-местный автобус, отправляющийся в Кариес, или Карею, как этот центр Афона называют старые русские книги. Билет оказался не дорог, мест для сидения не хватало, но меня усадили на одно из передних кресел. Таков афонский обычай – первые восемь сидений предназначены для монахов и священнослужителей. Олегу пришлось стоять. Когда все желающие заполнили автобус, двери закрылись, и, натужно урча двигателем, автобус двинулся по грунтовой, а местами выложенной бетонными плитами дороге. Дорога вилась серпантином, поднимаясь вверх, к перевалу.

Карей расположена на противоположной, северо-восточной, стороне горного хребта, протянувшегося вдоль всего полуострова. Налево уходят тропы в сторону монастырей Ксиропотам и святого Пантелеймона, направо тоже идут дорожки, направляющие путников в неведомые нам келлии⁵. Уже за перевалом в левую сторону устремляется дорога на север Святой Горы. Там расположены монастыри Ватопед, Хиландар, Зограф, Эсфигмен и Костамонит. По

⁴ Арсана – пристань.

⁵ Келлия – небольшое сооружение, дом, обязательно с храмом либо внутри келлии, либо рядом с ней. Населены небольшим братством иноков.

этой же дороге, но уже не пешком, а на автомобиле едут к нашему Пантелеймону и соседнему Ксенофонту, а также к Дохиару.

Нам с Олегом был нужен скит святого Андрея, и вскоре мы увидели сквозь деревья, растущие вдоль дороги, огромное каре его корпусов и грандиозный собор посередине – следы бывшего великого присутствия на Афоне русского монашества. Скит был еще далеко, но понятно, что еще десять минут, и мы достигнем цели.

Мы вышли из автобуса и сгрузили свой нехитрый скарб – два рюкзака. И вот перед нами в тридцати метрах от дороги Андреевский скит – наше первое афонское пристанище. Следуя указателям, пройдя через ворота и обогнув закрытый на ремонт собор, мы вошли в дверь, поднялись по лестнице на второй этаж, где увидели офис архондаричного ⁶, то есть то, что в современных отелях называется ресепшен.

Здесь, помимо нас, около благообразного монаха лет тридцати пяти, на креслах сидели несколько человек, имена, возраст, место жительства и образ занятий которых монах аккуратно записывал в хозяйственный «гроссбух». Туда же он вписывал и номер диамонитириона паломника. Эту процедуру прошли и мы, но узнав, что мы русские, монах озадачился проблемой, как ему найти другого монаха, который знает русский язык и который мог бы провести нас в храм для поклонения главной святыне скита – честной главе апостола Андрея. На столе появилась вода, лукум и крошечные стопочки с узо – особым крепким напитком, анисовой виноградной водкой.

На улице не жарко, и мы не отказались от внутреннего обогрева и сладостей. Вода, лукум и узо – типичный набор гостевого угощения на Святой Горе. Бывает вместо узо и другой напиток – ципуро, но я не смог бы отличить их один от другого. Через некоторое время нас с Олегом расселили: меня в отдельную келью, ибо я священник, а Олега на раскладушку на хорах храма, встроенного в то же здание, что и архондарик. Такие небольшие храмы в афонских монастырях называются параклисами. Тут и русский монах подошел. Зовут его Феодохос, но когда я пытаюсь так, по-тверски, без выкрутасов произнести его имя, он с легким раздражением в голосе поправил меня:

– Не Феодохос, а Theodohos, – сказал он, произнеся первый звук слегка шепеляво, словно по-английски.

Он был серьезен и не очень расположен к близкому общению. Ну и мы не рискнули расспрашивать его: откуда он и как попал на Святую Гору. Все наши монахи, живущие на Святой Горе, считают, что это огромная Божия милость – оказаться на Афоне и остаться тут. Это же ощущалось и в отце Феодохосе, который, как мне показалось, хотел бы поскорее забыть свое русское прошлое и превратиться в настоящего грека. Феодохос провел нас в сравнительно большой храм, вход в который располагался на втором этаже справа от скитских ворот.

Отец Феодохос вывел нас из храма, запер его на ключ и сообщил нам, что вечерня будет в 16:00 по средневропейскому времени, после вечерни – трапеза, а затем повечерие и время отдыха. Ночная служба начнется в 1:30. После этого он попрощался и спешно удалился куда-то по своим делам. До вечерни оставалось около двух часов, и мы отправились осматривать скит.

Еще совсем недавно скит тихо умирал. После того как в 1972 году скончался последний русский насельник скита отец Сампсон (мы видели его могилу неподалеку от входа в архондарик), скит стоял пустым. Потом были назначены два монаха присматривать за зданием. Скит расположен на земле греческого монастыря Ватопед, и ватопедцы, дабы не было разграбления и похищения святынь, вывезли на время большую часть того, что было в скиту ценного. И наконец, в скит пришла греческая община во главе со старцем отцом Ефремом, учеником великого подвижника XX века схимонаха Иосифа Исихаста ⁷. Сегодня ученики этого вели-

⁶ Архондарик – афонская гостиница, архондаричный – монах, несущий послушание по приему паломников.

⁷ Иосифа Исихаста зовут еще Иосифом Пещерником, или по-гречески Спелиотом.

кого старца и молитвенника играют на Афоне большую роль, они управляют многими монастырями, в которых введен особый Устав, характерный для общины Иосифа Исихаста. Среди таких монастырей – Филофей, откуда пришел с братией нынешний дикей⁸ Андреевского скита, и монастырь Ватопед. В здании, примыкающем к скиту, расположена богословская школа для юношей – Афониада. Мы с Олегом еще не знали этого и потому с удивлением смотрели на баскетбольную площадку, рядом с которой росла усыпанная спелыми плодами хурма. Многие здания скита выглядели заброшенными и пустынными, повсюду были видны следы запустения и разрухи, но греки все же понемногу приводили скит-гигант в порядок.

Я позвонил в Москву отцу Паисию, описал ему нашу ситуацию. Он приободрил меня, сказав, что кроме отца Иоанникия у него есть еще один друг-афонит, он созвонится с ним и попытается решить проблему нашей афонской неприкаянности. Побродив по «осенним» – декабрьским окрестностям, мы возвратились в скит.

Наступало время вечерни. Храм был заполнен людьми. Мы отыскиали себе свободные стасидии⁹, которые были в разных местах, но не очень далеко друг от друга. Пение чередовалось с чтением, мы постепенно привыкали к необычному византийскому богослужению. Я, конечно, ничего не понимаю по-гречески, кроме самых простых слов – здравствуйте, спасибо, пожалуйста, простите и благословите, – и, наверное, все. Мне помогает знание церковного Устава, хотя в наших храмах служат немного по-другому. И в чине службы кое-что сокращено, и песнопения короче. Меня предупреждали, что праздничное пение стихир¹⁰ на «Господи воззвах» может затянуться на три четверти часа, а у нас в России пятнадцать минут – уже долго! Читают же греки весьма быстро. В итоге вечерня продолжалась около полутора часов. После окончания все дружно, но не спеша пошли в трапезную, которая располагалась в цокольном этаже громадного Андреевского собора. Сегодня, сидя в трапезной, было легко представить, что сто лет назад в ней питались восемьсот монахов из России.

В скиту – панагир, то есть престольный праздник. Из Греции ради этого торжества приехало великое множество паломников, собрались гости и из разных монастырей и келий Святой Горы. Так уж повелось на Афоне, что панагиры, где бы они не случались, – а в монастырях и больших скитах особенно, – привлекают к себе большое количество богомольцев. Для местных жителей – сиромашов или обитателей бедных уединенных келий и калив – такие панагиры важное подспорье в их скудной жизни. Многие унесут с собой подарки-«благословения» от святого апостола Андрея и его братии. Кому-то кулек крупы, кому-то баночка рыбных консервов... А те, кто приехал с материка, наоборот, привезли братии скита различные угощения и денежные пожертвования. Для нас, русских паломников из провинциальной Твери, это просто возможность переночевать, приложиться к святыням и восхититься настоящей византийской службой – с раскачивающимися в темноте паникадилом¹¹ и хоросом¹², с разнообразными распевами заезжих мастеров греческого пения.

После трапезной мы возвратились в храм, где служили повечерие, которое традиционно вычитывается в притворе. В афонских храмах притвор всегда отделен преградой от основного объема храма. В преграде между притвором и храмом есть двустворчатая дверь – центральная,

⁸ Дикей – начальник скита или келлии.

⁹ Стасидия – специальное место для сидения с высокой спинкой, изготавливаемое из дерева. Стасидия устроена так, что позволяет молящемуся стоять, или сидеть, или полусидеть, облокотившись на специальные подлокотники. Спасает от тяжелой усталости во время многочасовых ночных служб.

¹⁰ Стихиры – песнопения, сопровождающиеся стихами из Псалтири.

¹¹ Паникадило – люстра в храме.

¹² Хорос (греч. «круг») – большой круглый светильник, висящий в центре храма. Крепится мощными металлическими цепями за основание барабана, на котором лежит сверху купол. Внутри хороса вешается особая церковная люстра – паникадило. В хоросе и паникадиле наряду с металлическими элементами есть лампы и свечи. В афонских храмах отсутствует электрическое освещение – только свечи и лампы. В определенные моменты богослужения хорос и кадило раскачиваются – их приводит в движение специально приставленный монах.

подобно Царским вратам, занавешенная особым занавесом – катапетасмой¹³, она открывается только с началом литургии, вечерни или утрени. Часы, полунощница и повечерие служат в притворе при закрытой катапетасме. С повечерием читается и акафист Божией Матери. Некоторые пожилые монахи читают его наизусть, это от любви к Матери Божией и от усердной молитвы со вниманием.

По окончании повечерия к нам подошел отец Феодохос и сообщил, что скитоначальник зовет всех на беседу, которая состоится в трапезной. Пренебречь законами гостеприимства было невозможно, и мы отправились в трапезную, где за длинным столом, во главе которого расположился отец Ефрем, сидели греки, числом не менее ста. Естественно, что беседа, а также последовавшие за ней вопросы шли на греческом языке. Мы ничего не понимали, и вскоре наше пребывание на беседе превратилось в одну непрерывную борьбу со сном. В этом нет, конечно, ничего предосудительного, ибо было совершенно непонятно, как себя вести. Сидеть с умным лицом? Наверное, да. Но претворяться, что мы все понимаем, и выражать интерес было не вполне резонно, так как лицедейство не приветствуется в православии и считается занятием греховным. Так или иначе, но мы просидели полтора часа, слушая совершенно непонятную речь, и после этого отправились отдыхать. Полунощница была назначена на половину второго ночи.

¹³ Катапетасма – тканевая завеса в Царских вратах иконостаса.

День третий. Наш афонский дом

Если мы и проспали, то совсем немного... В общем, когда мы пришли, почти все стасидии были уже заняты. Однако приехавшие греки, каких было весьма много, вели себя более свободно, чем позволяли нормы монастыря. Они иногда вставали и переходили с одного места на другое, а когда начался полиелей и монахи раскачали паникадило с хоросом, многие повскакивали со своих мест, достали из карманов фотоаппараты и сотовые телефоны и принялись снимать, сверкая вспышками, а некоторые записывали видеоролики, что на Святой Горе официально запрещено. Вот тогда уж найти место оказалось совсем нетрудно. Олег, воспользовавшись тем, что его чернявая шевелюра делает его похожим на аборигена, тоже принялся снимать на видео торжественную и красивую службу. Необходимо заметить, что афонские храмы лишены электричества и весь свет в них – это свечи, лампы да небольшие масляные лампы, бросающие узкий луч света на раскрытые книги певчих.

А певчие старались изо всех сил. Они пели, демонстрируя свои способности и знание тончайших оттенков византийского пения. Церковное пение в Греции – удел мужчин! Хотя можно встретить и женские голоса, но это большей частью в женских монастырях. Ближе к наступлению литургии стали подходить к клиросному¹⁴ аналою¹⁵ люди, привезшие с собой сыновей-подростков. Я с интересом наблюдал, как мальчики восторженно смотрят на своих отцов, выводящих священные мелодии своими странными, не похожими на наши голосами. Каждый из этих мальчиков мечтал, что когда-нибудь и он встанет у аналоя рядом с отцом, а потом научит и своих сыновей певческому искусству. И так будет славиться их род, веками являя миру золотые голоса Эллады!

Наступило утро. Литургия подходила к концу. После целования креста и честной главы апостола Андрея все дружно отправились в трапезную. На улице в сером декабрьском дне моросил дождь. Пришла эсэмэска от отца Паисия с номером телефона иеромонаха Серафима, который поможет устроить наше пребывание на Афоне. Я позвонил по указанному телефону, и отец Серафим сообщил, что сейчас он находится в молдавской келлии Провата, но часа через полтора его повезут мимо Андреевского скита, и мы должны к этому времени стоять на дороге, ждать его. Мы собрали наши рюкзаки и двинулись на выход, около которого под аркой главного скитского входа находился небольшой магазинчик. Это был прекрасный способ потратить время и приобрести сувениры.

Седовласый монах подарил мне икону святого апостола Андрея. За такую же икону он взял с Олега двойную цену и таким образом оплатил свою щедрость. Олег был удивлен, но вскоре успокоился. Мы вышли к самой дороге, где дождь хлестал нас без всякой пощады. Хорошо, что долго ждать не пришлось. Со стороны Кареи показался УАЗ-фургон, в народе называемый «буханкой». Веселый, улыбчивый человек с седой бородой, в синем плаще, одетом поверх подрясника, и в вязаной шапочке а-ля скуфья, какие носят многие афониты, высунулся из задней дверцы и спросил:

- Это вы из Твери?
- Мы! – радостно почти хором отвечали мы.
- Садитесь.

¹⁴ Клирос – в афонских храмах полукруглые пространства слева и справа от середины храма со стасидиями. В середине клироса имеется специальная тумба или вращающийся аналой для чтецов и певцов. Но чаще всего певцы поют прямо из своих стасидий.

¹⁵ Аналой – специальная подставка, иногда в виде тумбы с наклонной верхней поверхностью. Когда он расположен на клиросе, то служит для размещения на нем богослужебных книг или нот. В центре храма используется в качестве подставки под икону.

«Уазик» был набит всякого рода скарбом и людьми, и нам пришлось попрыгать, прежде чем автомобиль тронулся с места.

– Здесь недалеко, – сказал отец Серафим. – Нас высажат, а отцы поедут дальше.

И вот мы оказались на развилке, откуда одна из дорог уходила вверх, а другая, больше похожая на тропинку, шла сквозь лес, растущий вдоль склона. Дорога была живописна – лес состоял из высоких каштанов, засыпавших наш путь колючими плодами и желтыми листьями. Были и другие деревья и кустарники, но я плохой ботаник, поэтому ничего сказать о них не могу. Тропинка стала уже, она то поднималась, то спускалась вниз. В сторону уходили другие тропинки, кое-где стояли и указатели, оповещавшие о том, как называются келлии, к которым можно добраться, если следовать в том или ином направлении. Местами сквозь заросли виднелись старые стены, а в широких просветах справа от тропинки на склонах невысоких гор то тут, то там просматривались уютные домики разнообразных келлий.

Отец Серафим, легкий и быстрый, как олень, периодически отрывался от нас и потом останавливался, чтобы мы могли его догнать. Наконец мы увидели каменное двухэтажное здание с небольшим куполом в восточной части – келлию – в строительных лесах, а позади нее около дороги три строительных вагончика. Один из них стоял особняком, его занимал сам отец Серафим. Как он объяснил нам, в здании жить еще нельзя, но скоро стройка закончится и он переберется в келлию на постоянное жительство. Келлия носила имя первомученика архидиакона Стефана. Дело было 14 декабря и до престольного праздника келлии оставалось менее месяца. Отец Серафим лелеял надежду закончить ремонт к 9 января, когда отмечается день памяти святого Стефана. Это был бы первый панагир после многолетнего перерыва, отец Серафим мечтал созвать гостей, отслужить всенощное бдение, накормить всех, кто придет к нему в этот день. А пока в келлии кто-то стучал молотком, слышался шум работающей строительной техники.

Другие два вагончика представляли собой трапезную с кухней и жилое помещение, в котором разместились мы. Наша комнатка была похожа на железнодорожное купе, но чуть просторнее: двухъярусные кровати слева и справа от входа, шкаф. В вагончике, однако, был горячий душ и туалет, что делало наше пребывание весьма комфортным. Мы возблагодарили Бога и Его Пречистую Матерь за то, что Она послала нам такой уютный дом и гостеприимного хозяина. Именно дом, потому что мы могли при случае возвращаться сюда, если устанем и нам понадобится отдых после длительных пеших переходов по Святой Горе. Через некоторое время отец Серафим позвал нас в кухню-столовую, где уже кипел чайник и булькала кастрюлька с макаронами. Помимо плиты и большого стола, за которым могло бы уместиться человек десять или пятнадцать, в кухне-столовой стоял большой холодильник, который, к сожалению всех присутствующих, был почти пуст. Мы стали доставать свои нехитрые припасы: шоколадки, печенье, орехи, конфеты, курагу.

– Нет, отцы, – сказал отец Серафим – печенье с конфетами пусть остаются, а остальное вы уберите в рюкзаки. Сейчас мы попьем чаю, а потом вы вместе с Толиком съездите в Кариес в магазин. Толика я сейчас позову, это рабочий, который работает в келлии.

Через пять минут появился Толик, спокойный приветливый белорус, приехавший на Афон на заработки. У него, как он рассказал нам позже, дома остались жена и двое детей, а сам он уже третий год трудится на стройках Афона. Он уезжал из Белоруссии в Испанию, и виза у него была на один месяц. По дороге из-за нелетной погоды они с друзьями оказались в Салониках, и тут кто-то предложил им работу на Святой Горе. Так Толик попал сюда. Я спросил его, поедет ли он домой на Новый год.

– Нет, – ответил он. – Хотя я и скучаю по семье, но ведь превратился в нелегала. Попытка пересечь границу будет означать, что меня выявят как нарушителя визового режима, и я на долгие годы попаду в «черный список» невъездных лиц, которым путь в шенгенскую зону закрыт. Так что еще поработаю года два, а там домой.

За окном стремительно темнело, и, значит, можно было ехать. Толик был на заметке у афонской полиции – а тут такая существует! – и местный блюститель порядка уже грозился поймать и выдворить Толика из Греции. Да и машина, которой пользовался Толик, – потертый, но еще крепкий джип, – была не зарегистрирована. И поэтому мы нуждались в «покрове темноты». На улице все еще лил дождь, на капсальские леса опустился туман. Отец Серафим дал Толику указания насчет покупок, мы сели в джип, мотор взревел, и, раздвигая темный липкий ночной туман, мы тронулись по извилистой горной дороге.

Как Толик что-то видел, я не понимаю. Думаю, он ничего толком не видел. Сразу за капотом луч фар упирался в стену тумана. Еще что-то было видно справа или слева, в зависимости от того, с какой стороны у нас был склон горы, а с какой обрыв. Хорошо, что за два с лишним года, проведенных в этих местах, Толик научился рулить почти вслепую. Мы ехали не быстрее двадцати километров в час, а водитель «успокаивающе» комментировал:

– Здесь гора слева, а обрыв справа, поэтому будем прижиматься к горе... А здесь, за поворотом, гора уже справа, а обрыв слева. Так что и нам надо держаться правой.

Это продолжалось около сорока минут, пока серпантин не кончился и мы не выехали на широкую ровную дорогу, ведущую в афонскую столицу. Закупив всяческой еды, мы отправились в обратный путь. И снова дорога, увеличивающая в волосах количество седины. Мы с Олегом молились. Мы до этого в жизни так никогда не молились, как на ночной дороге, в тумане, в горах, с Толиком!

День четвертый. Сквозь дождь к Матери Божией

Утро выдалось добрым. Проснулись, умылись, помолились и позавтракали в компании отца Серафима. Половина содержимого рюкзаков выложили в шкаф, идем сегодня почти налегке. Небо было покрыто низкими серыми тучами, из которых лил дождь. Не проливной, но и не такой, чтобы сказать о нем: «моросит». Все-таки он лил. Мы вспомнили заботливую продавщицу из Уранополиса, действительно советовавшую нам купить дождевики. Мы сравнительно легко и быстро дошагали от келлии святого Стефана до Кариеса. Наличие дождя и отсутствие плащей – прекрасный повод пройтись по местным магазинчикам. Не все они работали, да и сам городок показался нам пустынным. Видимо, на море снова шторм, а значит, нет паромов. А нет паромов, нет и автобусов. Но продовольственные лавки были открыты, а также магазин, где продавались товары, необходимые для строительства и хозяйства. Тут мы и обнаружили прорезиненные костюмы всепогодного свойства для строителей. Я взял самый большой, а Олег по размеру... С трудом натянув на могучую священническую фигуру куртку, я понял, что брюки придется просто выкинуть. Им не хватало еще с полдюжины размеров, то есть сантиметров пятнадцать, для того чтобы они могли сойтись на моей «талиии». И я их оставил там же в магазине, – может быть, кому-нибудь они будут впору. Зато у меня был зонтик. Ну, хоть что-то!

Впрочем, для нас это не имело в тот момент существенного значения, ведь самое главное – мы на Афоне! Давно знакомые по книгам места и святыни обретали реальные очертания. Кариес – собор, почти не видимый за могучими ремонтными конструкциям и в котором находится знаменитая икона Божией Матери «Достойно есть». Фрески Эммануила Панселина, словно сошедшие со страниц учебника по средневековому искусству. А впереди нас ждал знаменитый Иверский монастырь, среди основателей которого мой небесный покровитель – преподобный Георгий. В этом монастыре хранится величайшая святыня Афона – Иверская чудотворная икона Божией Матери. В Кариесе, неподалеку от автобусной остановки, находился телефон, работающий от пластиковых карточек. С помощью наших карточек «Face» мы связались с Россией и услышали родные нам голоса. Рассказал жене, как устроились, какая погода, а в ответ – вопрос с прихныкиванием:

– Ну как? Ты там о нас скучаешь?

– Да пока еще нет, – слишком много впечатлений.

Не знаю, о чем говорил Олег, может, просто хотел пообщаться с друзьями. И пока он разговаривал, к нам подошел потертого вида монашек, спросил по-русски, работает ли второй телефон-автомат? Нет, – говорю, – только этот. Худое его лицо, почти коричневого от солнца цвета, было обветрено и покрыто морщинами, скуфья выцвела и давно потеряла форму, на плечах – пыльный армейский бушлат. Узнав в нем уроженца России, я поинтересовался, как его зовут.

– Схимонах Герасим, – ответил он.

– Это тот, который «на Иордане»?

– Да, он самый, – охотно поддержал разговор отец Герасим.

– А мы с моим другом Олегом, – сказал я, кивнув в сторону разговаривавшего по телефону спутника, – в прошлом году были в монастыре преподобного Герасима.

– И я был, – улыбнулся отец Герасим. – Лет десять назад. Ездил в Палестину на полгода. А сейчас вот пришел, в Сибирь позвонить надо.

Я заинтересовался, и отец Герасим продолжил:

– Тут олигарх из Сибири приезжал. Заказал большую икону в Буразери. Отдал грекам аванс, шесть миллионов нашими деньгами, все чин по чину. А теперь греки икону эту написали, ко мне на келлию принесли. Я ее поставил в алтаре. Но ему-то надо заплатить оставшу-

юся сумму. А там ни много ни мало десять миллионов! Мне как-то грекам уже в глаза смотреть стыдно... А вдруг не заплатит? Вот потому и пришел звонить. Как уж там – не знаю. Сейчас нарвусь на секретаршу, а она ничего такого решить не сможет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.